

權仁和嘉女藝者部

万度

秋

いよ

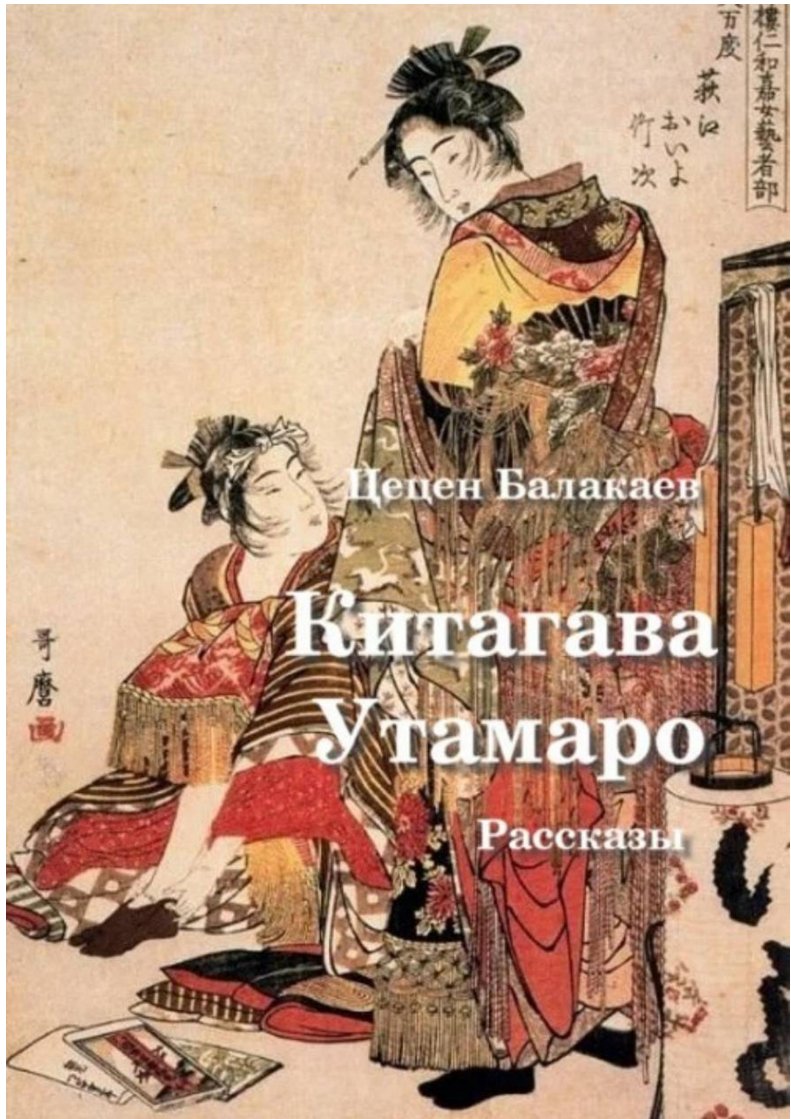
竹次

Цепен Балакаев

Китагава Утамаро

Рассказы

哥
磨
画

Цецен Балакаев Китагава Утамаро. Рассказы по гравюрам

<https://litres.ru/73979323>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он рисовал женщин, которые никогда не позировали. Он видел красоту там, где другие проходили мимо: в родинке на затылке, в выбившейся пряди, в секундной заминке перед улыбкой.

Это не биография великого мастера японской гравюры. Это приглашение в его мир. В мир, где болезнь отступает перед явлением красавицы из Ёсивары, где служанка из чайного дома становится бессмертной, а тишина между словами говорит громче самих слов.

Четыре рассказа, вошедшие в сборник, посвящены именно таким мгновениям. Мгновениям, когда искусство рождается не из вдохновения, а из умения смотреть.

Для тех, кто устал от громкого. Для тех, кто замечает свет на краешке чашки. Для всех, кто готов замереть и увидеть – наконец-то увидеть – ту самую, ускользающую красоту.

Чай остыл. Луна взошла. Откройте книгу.

Содержание

Исповедь ученика гравюры «нисики-э» о мастере Китагаве Утамаро	11
Пролог. Встреча в Эдо	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Цецен Балакаев Китагава Утамаро. Рассказы по гравюрам

Цецен Балакаев

Китагава Утамаро

Рассказы по гравюрам

Памяти Ирины Балакаевой, иллюстратора и театрального художника

Предисловие к книге «Китагава Утамаро»

Тот, кто однажды увидел женщину Утамаро, уже не спускает её ни с кем другим.

Она не позирует. Она *живёт* в ту долю секунды, когда ещё не знает, что за ней наблюдают. Её шея чуть согнута – она только что обернулась на чей-то голос. Её пальцы замерли над воротом кимоно – поправляет, но не до конца. Её губы приоткрыты для слова, которое так и не будет произнесено.

Она – между. Между уходом и возвращением. Между улыбкой и грустью. Между тем, что было, и тем, что никогда не случится.

Утамаро рисовал не красавиц. Он рисовал *мгновения*, когда красота становится видимой.

О чём эта книга

В старом Киото говорят: «Настоящий мастер не изображает цветов – он изображает аромат цветка».

Рассказы, собранные здесь, – попытка уловить тот самый аромат. Не пересказать сюжеты гравюр (у них нет сюжетов), не описать их в деталях (это сделают искусствоведы), а войти в ту тишину, которая окружала Утамаро, когда он держал кисть.

Это книга не о художнике. Это книга о *видении*.

Как больной мастер вдруг увидел красоту в женщине, пришедшей по снегу?

Как взгляд, упавший на затылок служанки, подарил миру одну из самых трогательных гравюр?

Почему Утамаро боялся рисовать женщин из кварталов больше, чем призраков?

Эти истории – домысел. Красивая ложь, которая говорит правду там, где документы молчат.

О настроении

Читая эти страницы, забудьте о времени. Представьте: поздний вечер, масляная лампа, на столе остывший чай. Сёдзи раздвинуты ровно настолько, чтобы впустить луну, но не холод. Вы сидите напротив человека, который видел тысячи женских лиц и выбрал самые неожиданные.

Он не спешит. Слова приходят с паузами – как капли с бамбука после дождя.

Здесь нет громких событий. Нет драки, погони, смерти. Есть только *взгляд*, падающий на родинку, сломанный гребень, выбившуюся прядь, тень на шее при повороте головы.

Если вам станет скучно – значит, вы ищете не там. Утамаро не развлекает. Утамаро учит *смотреть*.

О женщинах Утамаро

У него их три, если говорить о главных.

Первая – *являющаяся*. Ханафука из дома Оги. Она приходит в снежный вечер, когда мастер почти сдался. Она прекрасна той опасной красотой, которую хочется остановить, потому что знаешь: она уйдёт.

Вторая – *ускользающая*. Осама из дома Абура. Она не знает о своей красоте. Родинка на затылке, неуверенная улыбка, сбившаяся прядь – всё, чем она владеет, спрятано от посторонних глаз. Утамаро делает её бессмертной, а она выходит замуж за торговца рисом и толстеет.

Третья – *невидимая*. Та, которую он так и не нарисовал. О ней мы говорить не будем. Мастер умер, унеся её имя с собой. Но она живёт в каждой его гравюре как тень за правым плечом.

Для кого эта книга

Для того, кто устал от громкого.

Для того, кто замечает, как свет падает на край чашки.

Кто понимает разницу между «красиво» и «прекрасно».

Кто знает: пауза в разговоре часто важнее слов.

Кто готов смотреть на одну гравюру час и увидеть за этот час целую жизнь.

Для вас, если вы долистали до этого места и не закрыли книгу.

Вместо последнего слова

Утамаро умер в нищете, как и подобает великому мастеру. Его последние гравюры рисовала ученица – он уже не мог держать кисть. Говорят, в день смерти он попросил принести зеркало, посмотрел на своё отражение, улыбнулся и сказал:
– Эту я тоже мог бы нарисовать.

И закрыл глаза.

Вот так – не жалко, не громко. Как чай, который выпили до последней капли, и чашка ещё хранит тепло.

Эта книга – о том тепле.

Весна, год Дракона

Составитель, вдохновлённый тишиной

Три миниатюры о Китагаве Утамаро

Миниатюра первая: Пленник луны и квартала Ёсивара

В конце долгого летнего дня, когда Эдо укутывала дымка с реки Сумида, Утамаро сидел у окна своей мастерской. В его руке была не кисть – сама жизнь трепетала на кончике пальцев.

Он не любил писать вельмож. Его божеством была женщина – не богиня, а смертная: гейша из Ёсивары, наносящая румяна, или служанка, поправляющая шпильку в волосах. Однажды издатель Цутая Дзюдзабуро спросил его:

– Почему ты не рисуешь великих полководцев?

Утамаро лишь улыбнулся. Вместо ответа он взял лист белой бумаги и в бесконтурной технике, одной лишь игрой линий и киновари, изобразил женский затылок с небрежно выбившимся локоном.

– В этом больше правды, чем в доспехах, – сказал мастер. – Один поворот головы стоит десяти битв.

В альбоме *«Десять типов женских лиц»* он поймал тот миг, когда душа проступает сквозь маску красоты. Говорят, луна над Ёсиварой останавливалась, чтобы взглянуть на его *«Окамисан»* – женщину, завязывающую пояс кимоно. Утамаро умер слишком рано, но в каждой его гравюре бьется живое сердце старого Эдо.

Миниатюра вторая: Узник, рисующий цикад

В месяц дракона 1804 года разразилась беда. Гнев правителей обрушился на голову старого мастера – за то, что он

посмел изобразить величайшего героя Тоётоми Хидэёси «в неподобающем виде». Говорят, цензоры усмотрели оскорбление там, где была лишь правда жизни.

Утамаро бросили в тюрьму.

Это были самые черные дни его жизни. Стены камеры не знали слюдяной краски, на грубой бумаге не было места изящным линиям. Друзья шептались, что художник сломлен. Раньше он передавал душевные состояния гейш – нежность, кокетство, печаль. Теперь его собственная душа училась страдать.

Когда его выпустили, он не смеялся. Гравюры позднего периода стали иными – в них вошла тень. Он писал насекомых: цикаду, сбросившую пустую шкуру, мотылька, летящего на пламя свечи. Словно чувствовал: мир красоты хрупок, как крыло стрекозы. Через два года его не стало. Говорят, перед смертью он тихо промолвил: *«Я понял женщин. Но так и не понял людей с мечами».*

Миниатюра третья: Мост через океан

Прошло полвека после смерти Утамаро. В Европе, в мастерских Парижа, молодые люди с мольбертами ломали голову. Более ста лет гравюры старого японца лежали забытыми на складах, пока однажды не попали в руки импрессионистов.

Моне и Дега увидели то, чего не замечали раньше: пустое пространство бумаги, поющее громче, чем краски. Бесконечный профиль женщины, разрезанный киноварным поя-

сом. Магия мгновения, которую Утамаро поймал за двести лет до них.

«Он не рисовал тени, – говорили французы. – Он рисовал само дыхание».

Портреты из *«Ежегодника зелёных домов Ёсивара»* путешествовали через моря. Гейша, складывающая веер, стала музой для целого поколения. Так мастер, умерший в нищете и позоре, стал мостом между закатным Эдо и рассветным Парижем. И когда вы ныне смотрите на его женщину, пудрящую шею, помните: перед вами не гравюра. Это Утамаро всё ещё шепчет через века о том, что красота – единственное, ради чего стоит жить.

Исповедь ученика гравюры «нисики-э» о мастере Китагаве Утамаро

Пролог. Встреча в Эдо

Меня зовут Кацусиро Тамэнага, и я – никто. Я не оставил своего имени в анналах укиё-э, ибо моя рука была слишком слаба, а дух – слишком робок для великого искусства. Но мне посчастливилось провести три года в тени человека, которого мир теперь называет *«божеством мимолётного мира»*. Я говорю о Китагаве Утамаро.

Это было в год Барсука, эра Кансэй (1789–1791), когда я, шестнадцатилетний мальчик из обедневшей семьи торговца рисом, переступил порог его мастерской в районе Янагивара. Я ничего не знал о *нисики-э* – «парчовых картинках». Я умел лишь грубо набрасывать тушью бамбук да копировать статуи божеств. Но сестра моя, умершая от чахотки, любила его гравюры с женщинами. «Посмотри, Тамэнага, – шептала она, показывая мне лист **“Три красавицы нашего времени”**. – Разве они не дышат? Разве это не сами богини спустились на бумагу?»

Когда мастер впустил меня – низкорослый, сутулый чело-

век в засаленном кимоно, с пальцами, вечно перепачканными тушью и киноварью, – я не поверил, что это он. Утамаро выглядел как обедневший аптекарь. Но глаза... В его глазах не было ни глубины, ни огня. Только странная, почти скупающая внимательность. Он посмотрел на меня так, будто я был пустым местом, но потом велел подать чай и сесть в угол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.